

БАРАТЫНСКИЙ (Боратынский), Евгений Абрамович [19.II (2.III)1800, с. Мара Кирсановского у. Тамбовской губ.-- 29.VI(11.VII).1844, Неаполь; похоронен в Петербурге] -- поэт. С 1812 по 1816 г. учился в Петербургском Пажеском корпусе. В 1819 г., приехав в Петербург, вступил в лейб-гвардии егерский полк. Здесь он познакомился с А. А. Дельвигом, В. К. Кюхельбекером, Н. И. Гнедичем, Ф. Н. Глинкой. В это время появляются в печати первые произведения Б. Он пишет дружеские послания ("К Креницину", 1819; "Дельвигу", 1819; "К Кюхельбекеру", 1820), мадригалы, надписи, эпиграммы. Но главное место в его раннем творчестве занимают элегии. "Первые произведения Баратынского были элегии,-- писал позднее А. С. Пушкин,-- и в этом роде он первенствует" (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.-- М.; Л., 1937.-- Т. XIII.-- С. 34). Очень характерна для мироощущения и стилистических исканий молодого поэта поэма "Пир" (1820). В ней проявилось вольнолюбие Б., не случайно поэма была опубликована с цензурными искажениями.

В нач. 1820 г. Б. был переведен в Нейшлотский полк, расквартированный в Финляндии, в которой поэту довелось провести почти шесть лет. Попытки друзей Б. добиться его производства в офицеры наталкивались на отказ царя. Действительной причиной этого отказа было недоброжелательное отношение к молодому поэту, связанное с его неблагонадежными дружескими связями, оппозиционными высказываниями, которые не раз доводилось от него слышать, и независимым, вольнолюбивым характером его творчества.

Имя и произведения Б. быстро стали известны всей читающей России. Элегия "Финляндия" (1820), другие стихотворения, посвященные краю, где проходили годы его службы, а позднее поэма "Эда" (1826) закрепили за ним репутацию "певца Финляндии". Его произведения читались и неизменно одобрялись в Вольном обществе любителей российской словесности.

Б. не стал декабристом, но и его захватил поток идей, которые получили наиболее прямое воплощение в деятельности тайных обществ. "Всего милей свобода!" (Стихотворения. Поэмы.-- С. 312) - в этих словах звучит лейтмотив его раннего творчества. Его политическая оппозиционность особенно отчетливо проявилась в элегии "Буря" (1825), в эпиграмме на А. А. Аракчеева ("Отчизны враг, слуга царя", 1824 или 1825), а позднее -- в "Стансах" ("Судьбой наложенные цепи", 1828). Он сближается с Рылевым и Бестужевым, которых называет "милыми братьями" (Стихотворения, поэмы, проза, письма.-- С. 469) и просит взять на себя издание его сочинений. Издание это, однако, не состоялось, а близость Б. с будущими декабристами сменилась охлаждением. Бестужев писал Пушкину, что "перестал веровать" в талант Баратынского (Пушкин А. С.-- Т. XIII.-- С. 150). Это и неудивительно. Декабристы ратовали за литературу, которая бы носила открыто агитационный характер и участвовала в переделке жизни в духе их идеалов. Поэзия же Б. была поэзией раздумий над жизнью, художественным исследованием человека и действительности.

В традиционной форме "унылой" элегии Б. сумел воплотить богатство и сложность, противоречивость и многогранность эмоционального мира конкретного человека. В лучших элегиях Б. мы видим не традиционное элегическое "я" с неизменными мотивами увядания, разочарования в жизни и скорби по уходящей молодости, а индивидуальную личность, чувства которой объясняются обстоятельствами ее жизни. Раскрывая изменчивость и противоречивость чувства, поэт использовал для его воплощения в стихе новую, более широкую палитру художественных средств. В 1821 г. появилась знаменитая элегия "Разуверение", на текст которой был написан романс М. И. Глинки, сделавший эти стихи едва ли не самым известным и популярным произведением Б.

Существо творческих открытий Б., его умение с реалистической точностью и холодной трезвостью анализировать движение чувств, психологические процессы, протекающие в душе человека, воплотились в его элегии "Притворной нежности не требуй от меня" (1823), первоначально имевшей заглавие "Признание". Судьба лирического героя "Признания" -- неповторимая в ее своеобразии. Но складывается она под влиянием обстоятельств, будничных и реальных: "долгие годы разлуки", "бури жизненные", влияние окружающей среды ("толпы"), подчиняющей человека своим "мнениям". При всей неповторимости эта судьба несет в себе так много типического, общего для всех людей, что служит обоснованием философского вывода, заключенного в последних строках стихотворения. "Баратынский -- прелесть и чудо. "Признание" -- совершенство",-- писал Пушкин (Полн. собр. соч.-- Т. XIII.-- С. 84).

Высокую оценку Пушкина заслужила и поэма "Эда", причем и здесь он обратил внимание на попытку Б. изобразить человеческий характер в движении. Пушкин восхищался тем, как в "Эде" "развита" женская любовь. Не "изображена", не "описана", а именно "развита". Б. рисует чувство в динамике, пристально следит за тем, как каждое изменение в нем накладывает отпечаток на образ жизни Эды, на ее внешний облик, на ее речь. То, что фоном действия явился не живописный юг, как это было у Байрона и Пушкина, а скупые краски финского края, объясняется не только биографическими причинами, но и стремлением создать произведение, по колориту и

тональности непохожее на южные поэмы. Установке на изображение "очень необыкновенного"